

Николай ОСТРОВСКИЙ:

Только вперед, только
на линию огня, только
через трудности к победе
и только к победе—
и никуда иначе!

ПОБЕДИТЕЛИ

Из поэмы

...Про все рассказать,
чтоб поняли, чтобы
Их за душу взяли его слова,
Чтоб, перед смертью,
Он снова вошел бы
в свои права
Войца. Но для этого
надо, однако,
Писать. Сочинять.
А он не писатель —
Строить сочинения
ему не с руки.

Но все, чему был он
в жизни свидетель,
Ему говорило, как дважды два:
Не счастье,
не кислая добродетель,
Не доко расставленные слова,
Сегодня на свете чего-то стоят
Люди, прошедшие гром и дым...
Мужество века,
как штык, простое
Сегодня дорого молодым.
Он заработал суровое право —
По жизни людей провести за собой:
Вот здесь
а направо пошел — направо,

Вот здесь я сражался —
идите в бой!
Так, значит, писать!
Может, очень просто,
Гораздо проще, чем их пережить,
Своих поступков жестокою поступью
В такие же строчки переложить?
Мне кажется,
он подымается снова,
Мне кажется,
жесткий сомкнутый рот
Разжался, чтоб крикнуть
последнее слово,
Последнее гневное слово —
вперед!
Пусть каждый,
как найденную подкову,
Себе это слово на счастье берет.
Суровое слово, веселое слово,
Единственно верное слово —
вперед!

ВЕЛИКОЕ ОСТАЕТСЯ

В ЕКА живет в людях стремление к идеалу. Для меня таким идеалом был и остается Николай Островский. Если спросит меня, каким должен быть коммунист, я скажу: как Николай Островский. Спросит о настоящем, большом художнике, о судьбе, потрясшей мир, о жизни-полюге, отвечу так же: Николай Островский. Имя его легендарно, но жизнь его — была, из которой и по сей день черпают силу, мужество, высокую человечность.

Творчество Николая Островского постоянно рождает в художнике отклик, желание писать песни, стихи, ставить спектакли, фильмы... Дело в том, что он сумел выразить время, поколение, по-казал новый — советский характер — полнокровно. Островский — это величие духа, и потому прикосновение к

нему очищает, поднимает нравственно, воспитывает творческое начало в тех молодых писателях, режиссерах, композиторах, художниках, которые обращаются к нему. Как он стал художником? Как вышло, что он стал нужен людям разных поколений? Книгу «Как закалялась сталь» я видел везде, где мне только приходилось бывать, на разных языках мира. Она книга... Но она вошла в себя героический дух целой эпохи. Такую книгу мог написать лишь большой художник, настоящий коммунист, человек великого мужества и воли.

Первые комсомольцы времен гражданской войны узнавали себя в Павке Корчагине, видели в его жизни свою жизнь. К Островскому мысленно обращались солдаты Великой Отечественной. Он неодолимой силой, когда сегодешние ребята, когда сегодняшние КамАЗ и БАМ... Чтобы получить ответы на вопросы, волнующие нас сегодня, надо прочитать Н. Островского глазами 70-х.

Сказал ли Островский об отхождении к Родине, матери, другу, о цене поэзии, музыки, вообще творчества? Призывал ли неистово учиться, глубоко, бескомпромиссно любить, суметь прожить не для себя, а для других, как сам он? Да, он сделал это. Казалось, у него нет выхо-

да. Так жадно вбирать в себя жизнь, так жадно бороться за будущее, родиться художником — и вдруг не видеть за окном день, солнце, играющих детей... Как найти в себе силы, чтобы принять неизбежное? Чем жить теперь? В черные дни слепоты, среди мук безысходности, источником силы стала будущая Книга. Буквы, пересекая страницу, набегали друг на друга, сталкивались, слов порой невозможно было разобрать. Но в том, что создавал Николай Островский, он сам черпал мужество для того, чтобы отдать это мужество другим — своим современникам и будущим поколениям. Ведь мужество — вечно.

КНИГА ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Думал ли Павел Корчагин, что в своей славной литературной судьбе ему предстоит стать подпольщиком-антифашистом? И сужу в уютной квартире Корчагина на Русском бульваре в Софии, беседуя о судьбе Корчагина в Болгарии. Разговор спокойный, историко-литературный. И вдруг у Татьяны Корчаковой срывается голос, она прижимает к глазам платок и вылезает из комнаты.

В ПИСАНИИ закон революционера: последнюю минуту — себе. И Борис нажал кулак. Сколько раз он потом жалел, что не хватило сил

Уроки мужества

Книга «Как закалялась сталь» Николая Островского пришла в мою жизнь раньше, чем я обнаружил ее в списках обязательной школьной литературы.

Рядом с Павлом Корчагиным побледили герои Кулера и Мэя. Если Кожаный Чулок и Виннету придавали миру окраску романтической игры, то Павел Корчагин открывал дорогу в жизнь, к зрелости. Он и сегодня — образец принципиальности, умения оставаться до конца преданным своим идеалам.

Все еще приходится встречать людей, которые рассуждают примерно так: конечно, Корчагин молодец, но у него не было тех трудностей, что у нас; линия фронта была ясно очерчена, и стороны носили опознавательные знаки... Несостоятельные рассуж-

Товарищ Рита

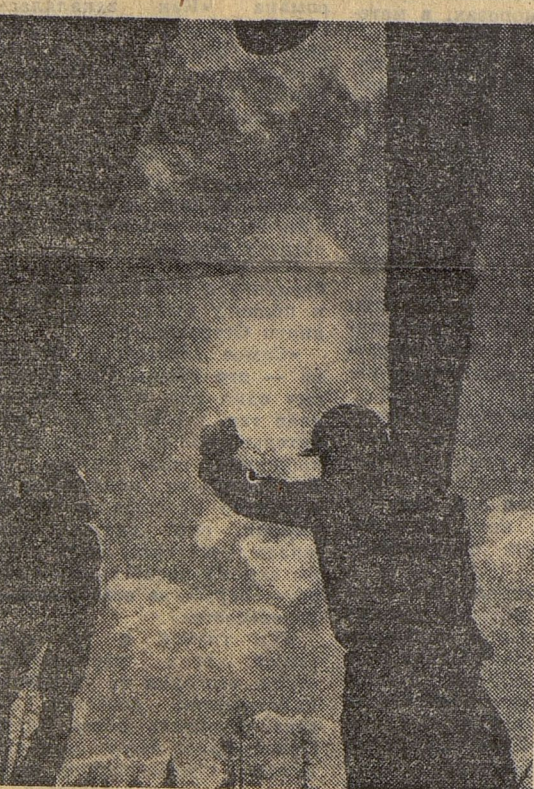
Мне довелось сыграть Риту Устинович в многосерийном телевизионном фильме режиссера Николая Мещенко «Как закалялась сталь».

Товарищ Рита... Преданный боец партии, друг Павки Корчагина. После того, как на голубых экранах погас последний кадр киноромана, прошло более полу-

года. С тех пор я успела сняться еще в двух новых фильмах. Но Рита Устинович не стала моим прошлым, как это бывает, к сожалению, со многими киноролями. Работать было трудно. Ритой я почувствовала себя далеко не сразу.

«Ключом к роли» стало для меня последнее письмо Риты к Павке. В нем как бы заключалась драма людей, пожертвовавших личным счастьем во имя большой идеи. Во время съемок я все вре-

мя помнила, что мне предстоит сказать на прощание единственно любимому человеку: «Ты навсегда останешься лучшим, что было в моей жизни. Останешься моей юностью...» И слова эти все время врывались в меня, пока я работала над фильмом. Вдохновляют и до сих пор. Нет, Рита не была человеком, как говорится, с железным характером. Суровое и славное время заставило ее превратиться в бойца, надеть легендарную кожанку, взять в руки револьвер. Но

Благодарная память утверждает себя в детях. Дорога, которую прокладывали Корчагин и его сверстники, дорога в будущее, думалось мне, — не метафора, порою тому, как и слова о ты, сяках новых бойцов грядущих лет — не мечта, а уверенное предвидение. Несколько верст узкоколейной Борки и три с лишним тысячи километров Байкало-Амурской слиялись в одну пространства и времена пересекшую магистраль.

прилетелись точно Раненого, полуживого, его были в полиции день за днем, неделя за неделей. И, не вырвав у него ни слова, сказали: — Не хочешь сознаться, что был в Москве?.. Ладно, за тебя это скажет твоя жена. Выедьте заключенную! Но дверь камеры не открылась... А спустя несколько месяцев Таня пропала в журнале КИМа: «Учитесь держаться перед врагом у тов. Корчагина! Совсем короткое сообщение: секретарь ЦК нелегального комсомола Болгарии тов. Корчагин, попал в руки классового врага, мужественно перенес все пытки и не сказал ни слова. Он приговорен к длительному сроку заключения и переведен в Стара-Загорскую тюрьму».

Таня жила в Москве, на Патриархе. А ее Борис... Чем помочь ему? Она вставала по утрам, шла к своим пионерам, занималась в политехникуме, гуляла с подружками. И ни на секунду не покидала ее тревога за Бориса. Чем помочь ему, чем помочь всем, кто томится в

Ярче тысячи солнц

В моей читательской и особенно журналистской практике я часто встречал героев, чем-то похожих на Корчагина. И всякий раз удивлялся такой «типичности типичного», пока не понял, что это еще одно свидетельство бессмертия любимого о детстве образа. Как-то, что происходит, выра-

жаясь современным языком, расщепление героя. Но такое расщепление, при котором сам он остается цельным. Мириады же частиц, излучаемых им, «поражают» нас каким-то особым теплом, светят нам ярче тысячи солнц.

Мне хочется вспомнить некоторых участников этой цепной реакции, с которыми судьба сводила меня в разные годы. Это сельский врач Николай Насибян, ценной своей жизни спасший больного. Это географ Гречия Габриелян, потерявший в 17 лет обе ноги, но нашед-

ший в себе мужество достичь поставленной цели — стать ученым и путешественником, туристом и даже... альпинистом. Это Саула Гусев, герой моей последней повести «Аптека Анны», изданной недавно в «Молодой гвардии». Оставив Москву, налегенный быт и уют, этот смилантский русский парень устремился в тайгу, на встречу опасностям.

Наедине с Островским

В жизни каждого из нас бывают моменты, когда словно останавливается стремительный бег времени и перед нашим мысленным взором проходит вся наша жизнь...

Совсем недавно, во время командировки в Казань, я попал на спектакль ТЮЗа «Драматическая песня». В тот вечер я снова был наедине с Николаем Островским, с его комсомолом, с его Павкой.

Мы восхищаемся Павкой Корчагиным, самим Николаем Островским: он дважды прожил свою короткую, но стремительную жизнь — сначала как комсомолец и коммунист Николай Островский, а затем как комсомолец и коммунист Павка Корчагин — ради того, чтобы тысячи тысяч новых бойцов строили свою жизнь по героям революции.

Николай Островский — это и прошлое, и настоящее, и будущее. Лучшее доказательство тому — история молодого поколения страны — от первых пятилеток и Великой Отечественной войны до целины, КамАЗа и БАМа.

«Нет радостнее вещи...»

ИЗРЕКА он разрешал себе «страшную мечту» думать, что «если бы у меня было то, что есть у него... руки и ноги, возможность двигаться по необъятному миру... то что было бы?» И отвечал: «...я побеждал бы стремительно и неутомимо... Я жил бы жадно, до безумия... Вырвавшись из девятилетней неподвижности, я был бы беспокойнейшим человеком, я бы не ухитился с работы, пока не насытился ею». («Мои мечты», беседа с корреспондентом «Комсомольской правды», 1936 год).

Они и жили до безумия жадно. Они и не ухитились с работы, не насытившись ею. Они и бежали стремительно и неутомимо. «Если бы у меня было то, что есть у него...» Помню, много лет назад, при первом чтении, особенно обожгло это «у него». Я понял: «у него» — у меня. Ничего, что Н. Островский имел, вероятно, в виду совершенно определенное человека, подавленного в момент встречи с ним личными невзгодами, стоит думать: «у него» — у меня. Именно — у меня. Это помогает жить с ясным пониманием иерархии ценностей.

У самого Островского это понимание было абсолютно четким: самое дорогое у человека — жизнь, она дается ему один раз и поэтому должна быть посвящена борьбе за

освобождение человечества. Когда он говорил, что не любит людей, для которых «настроение жены важнее революции», то утверждал — по-человечески остро — по существу то же самое: иерархию ценностей, определяющую, что может и чего не может совершить человек.

Герои — от легендарного Геракла до совершенно реальных Колумба и Гагарина — в течение тысячелетий расширяли сферу человеческих возможностей, делая ее все более необозримой. Совершая то, во что трудно было поверить, они сокрушали различные барьеры — от непобедимости мифической гидры до недоступности фантастически далеких земель и космоса.

Николай Островский сокрушил барьер абсолютной физической неподвижности и беспомощности. Ясно осознавая, что самая большая трагедия человека — трагедия неучастия в жизни человечества, он сумел из, казалось бы, безнадёжного положения выйти к миллионам людей.

Об этой победе человеческого духа рассказывает Раиса Порфирьевна Остров-

ская *. В существующей уже обширной и интересной литературе, посвященной автору романа «Как закалялась сталь», книга, написанная его женой, займет особое место. Мы получили из «первых рук», из рук человека, который был с ним рядом в самые суровые годы его жизни, новые свидетельства гражданственности, человечности, духовности, художественной одержимости писателя. Со знание, ни на миг не оставляющее при чтении, что эти же руки утишали его боль, укладывали, переставляли постель, кормили, а часто и писали, то есть были и его собственными руками, сообщает новым свидетельствам особую ценность. В книге живет атмосфера материнства — самоотверженности, любви, понимания, автор, разумеется, об этом не помышлял, по-лучилось это само собой, по логике сердца. И тут я хочу вернуться к теме «барьеров», они ведь существуют и в мире человеческих чувств и отношений, поэтому, мне кажется, можно утверждать, что и